

About legal status of minor parents

O. I. Velichkova¹

¹Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-2-172-187

Research article
Full text in Russian

The norms on the legal status of minor parents appeared in Russian law with the adoption of the current Family Code of the Russian Federation, becoming a positive novelty that eliminated a fairly large gap in legislation. The presence of minors who had children was evident, and the regulation of the legal status of this category of persons was previously absent. However, many legal issues related to the protection of the rights and interests of a minor parent and his child have remained outside the framework of family law regulation, which exacerbates the already difficult problem of legal protection of early motherhood from all points of view. The author will focus on some aspects of this problem within the framework of this article.

Keywords: minor parents; the establishment of the origin of children; the appointment of a guardian

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Velichkova, Oksana I.	E-mail: velmosk@bk.ru
	Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Velichkova O. I. About legal status of minor parents // Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14, No. 2. P. 172-187. (in Russ.)

О правовом статусе несовершеннолетних родителей

О. И. Величкова¹

¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-2-172-187

УДК 347.6

Научная статья

Полный текст на русском языке

Норма о правовом положении несовершеннолетних родителей появилась в российском праве с принятием действующего Семейного кодекса Российской Федерации, став позитивной новеллой, которая устранила достаточно большой пробел в законодательстве. Наличие несовершеннолетних лиц, имевших детей, было налицо, а регулирование правового положения данной категории лиц ранее отсутствовало. Однако множество правовых вопросов, касающихся защиты прав, интересов несовершеннолетнего родителя, его ребенка остались за рамками семейно-правового регулирования, что обостряет и без того сложную со всех точек зрения проблему правовой защиты раннего материнства. На некоторых аспектах данной проблемы автор остановится в рамках настоящей статьи.

Ключевые слова: несовершеннолетние родители; установление происхождения детей; назначение опекуна

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Величкова, Оксана Ивановна

E-mail: velmosk@bk.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

Для цитирования: Величкова О. И. О правовом статусе несовершеннолетних родителей // Демидовский юридический журнал. 2024. Том 14, № 2. С. 172-187.

Раннее родительство, а особенно материнство, как известно, было распространённым явлением нашей социальной истории, остается таковым и в настоящее время, хотя, разумеется, его количественные и качественные характеристики постоянно (возрастные характеристики, распределение по группам населения, регионам и т. д.), как меняется (с весьма разным вектором) и общественное мнение относительно такого родительства, а также и социально-экономическая и правовая реакция государства на уровне семейного, трудового, налогового, социально-обеспечительного законодательства. Средства массовой информации пестрят заголовками о том, что пятеро несовершеннолетних в возрасте семнадцати лет родили по пятому ребенку, четверо четырнадцатилетних – по второму¹. Зачастую такие «молодые мамы» не успевают даже окончить школу. Причины, объясняющие данное явление, довольно разнообразны: специфика регионов, неблагополучные семьи, от-

¹ Росстат подсчитал родивших по пятому ребенку несовершеннолетних россиянок // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190815/1557516077.html> (дата обращения: 09.02.2024 г.).

сутствие сексуального образования и др. В последнее время наблюдается снижение числа «детского деторождения», сопровождающееся высоким уровнем проводимых аборт. Так, в 2000 г. в возрастной группе 15–17 лет было рождено 21 834 реюенка, в 2020 – 7 868; в этом же году в означенном возрасте произведено абортов – 3 862² (до 14 лет – 447)³. (Впрочем, данная тенденция находится в общем русле демографической ситуации, хотя и дифференцируется по этническим группам, национально-культурным приоритетам, уровню доходов, образования и т. п.)

Не касаясь вопросов социальных, психологических и экономических, неблагоприятных последствий для несовершеннолетних родителей, в рамках предлагаемой статьи автор остановится лишь на некоторых правовых проблемах, обостряющих и без того столь щепетильную ситуацию.

Нормы о правовом статусе несовершеннолетних родителей появились в российском праве с принятием действующего Семейного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – СК РФ). Ст. 62 СК РФ стала позитивной новеллой, которая устранила достаточно большой пробел в законодательстве: наличие несовершеннолетних лиц, имевших детей, было налицо, а регулирование правового положения данной категории категорически отсутствовало.

Однородная ли это правовая категория (и соответствующая группа лиц)? Анализ исследуемых нормативных положений показывает, что нет, и позволяет выделить три правовых «класса» несовершеннолетних родителей: несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, – до достижения ими возраста шестнадцати лет (1) и после обретения данного возраста (2); несовершеннолетние родители, состоящие в браке, независимо от возраста (3).

С точки зрения формальной трактовки понятия «ребенок» (ст. 54 СК РФ) родители всех трех категорий одновременно являются и детьми. С точки зрения сущностного подхода (о том, что со вступлением в брак ребенок приобретает полную дееспособность и родительская (или иная подобная) власть на него уже не распространяется) детьми со своим набором прав являются только родители первых двух категорий (по понятным причинам за исключением лиц второй категории, которые были эмансипированы). В любом случае несовершеннолетний родитель – субъект права с уникальным статусом ребенок-родитель (или родитель-ребенок): от перемены элементов в предложенном словосочетании смысл не меняется⁵. Задача заключается в том, чтобы рассмотреть особенности реализации несовершеннолетними родителями своих родительских прав, разобраться, как они влияют на права ребенка как субъекта, дают ли какие-нибудь бонусы и преференции или, скорее, являются тяготящим элементом в пространстве путаницы и неразберихи, которых не удастся избежать и в нашем непростом случае (в социологическом, этическом, юридическом плане).

Основания возникновения внебрачного несовершеннолетнего родительства. Норма п. 3 ст. 62 СК РФ предусматривает, что несовершеннолетние родители

² Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 256 с.

³ Здравоохранение в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 171 с.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16 (с изм. и доп.).

⁵ Редкий случай, когда юриспруденция солидарна с арифметикой (а может быть, и с математикой в целом)...

имеют права признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях, а также право требовать по достижении ими возраста четырнадцати лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном (исковом) порядке, то есть по правилам нормы ст. 49 СК РФ (а при печальных обстоятельствах – ст. 50 СК РФ об установлении факта отцовства).

Что значит «общие основания»? Очевидно, речь идет о фиксации факта происхождения детей в административном порядке, то есть об установлении материнства и/или отцовства посредством подачи соответствующего заявления в органы ЗАГС.

Если мы анализируем только проблематику материнства, то необходимо руководствоваться нормами ст. 14, 16, 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁶, если же отцовства – нормами ст. 48, 50, 51 того же закона. С учетом получения несовершеннолетними паспорта в четырнадцать лет предполагаем отсутствие препятствий в совершении актовой записи на основании заявления таких несовершеннолетних (ни правила ст. 62 СК РФ, ни положения указанного ФЗ согласия каких-либо иных лиц для этого, например родителей или иных законных представителей, не предусматривают). Единственная проблема при совершении записи о материнстве и/или отцовстве в возрасте до четырнадцати лет – случаи, когда отсутствует необходимый для ЗАГСа документ, удостоверяющий личность, – паспорт. Но она решается применительно к материнству, исходя из сложившейся практики. Поскольку аналогичные случаи при совершении актов записей не редкость (при отсутствии, например, надлежащего документа, удостоверяющего личность матери), органы ЗАГСа давно и успешно применяют конструкцию «уполномоченного лица», когда мать без паспорта выдает доверенность в простой письменной форме некоему уполномоченному лицу, имеющему надлежащий документ, удостоверяющий личность, а тот уже подает соответствующее заявление о регистрации рождения ребенка и юридической фиксации материнства.

Правило абз. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ допускает, что родители будущего ребенка, не состоящие в браке, могут подать совместное заявление об отцовстве в орган ЗАГС в период беременности матери при наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что подача подобного заявления может оказаться после рождения ребенка невозможной или затруднительной. Однако законодатель умолчал, распространяется ли действие данной нормы на несовершеннолетних родителей. Ответ на данный вопрос нам представляется неоднозначным. С одной стороны, непосредственно до рождения ребенка несовершеннолетний еще не стал родителем и не приобрел своего статуса несовершеннолетнего родителя со всеми вытекающими правами и обязанностями и на него норма п. 3 ст. 62 СК РФ не распространяется. С другой стороны, правило абз. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ не содержит каких-либо изъятий применительно к возрасту субъектов, а закрепляет всеобщее правило о возможности подачи заявления об установлении отцовства во время беременности матери. Сама идея, заложенная в п. 3 ст. 62 СК РФ, в целом ясна и понятна: добровольное и самостоятельное признание отцовства / материнства осуществляется вне зависимости от возраста признающего. В связи с этим думается неверным полагать, что не-

⁶ Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

совершеннолетние родители обсуждаемой возможностью не располагают. На наш взгляд, подобная досрочная подача заявления возможна независимо от того, является ли несовершеннолетний родитель матерью либо отцом ребенка или оба будущих родителя принадлежат к числу несовершеннолетних.

При этом в законодательстве отсутствуют четкие основания для подачи совместного заявления об установлении отцовства до рождения ребенка, и неясно, кто будет оценивать невозможность или затруднительность подачи данного заявления после рождения ребенка. С одной стороны, можно признать, что родители, в том числе и несовершеннолетние, вправе самостоятельно решить, смогут они или нет подать указанное заявление после рождения ребенка и не будет ли для них это затруднительным. В данном случае сотрудники органов ЗАГС не вправе требовать от них каких-либо доказательств в подтверждение обозначенных в законе обстоятельств. С другой стороны, допустимо полагать, что невозможность и затруднительность подачи в будущем заявления должен оценивать именно орган ЗАГС. При таком прочтении диспозиции нормы на заявителей данная обязанность возлагается. В качестве таковых доказательств могут выступать, например, документы, подтверждающие тяжелую болезнь будущего отца, угрозу жизни матери ребенка при родах, длительную командировку, переезд в другое место жительства, призыв в Вооруженные силы РФ, направление в места боевых действий (СВО) и т. п. Анализ же положений абз. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ не позволяет сделать однозначный вывод по данному вопросу. На наш взгляд, такие «правовые качели» все же не должны предлагаться – следует прояснить конкретику применения обсуждаемого нормативного положения.

Впрочем, данные утверждения (как общее правило о признании родительства, так и специальное – о досрочном признании) относительно предполагаемого отца (мать, как правило, известна, и к ней требования о дееспособности, пусть и фактической, можно и не предъявлять – это, в принципе, общий подход к правовому режиму материнства, независимо от возраста) не являются аксиомой – можно рассуждать и иначе: поскольку Семейный кодекс о данной категории субъектов молчит, не исключено предположение о невозможности добровольного признания отцовства ввиду его недееспособности. В этом смысле можно опираться как на положения семейного закона о «частичной взрослой дееспособности» несовершеннолетнего именно с 14 лет (право на снижение брачного возраста на основании регионального акта⁷; право на самостоятельную судебную защиту и другие действия – ст. 13, 56, 59, 142 СК РФ), так и на нормативистику Гражданского кодекса Российской Федерации⁸ (далее – ГК РФ) о частичной дееспособности с этого же возраста (ст. 26 ГК РФ). При этом, несмотря на определенные возможности ребенка с 10 лет, включая дачу им согласия на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ), данный возрастной барьер вряд ли может обсуждаться в рассматриваемом контексте, хотя и дает «пищу для размышлений» об элементах его дееспособности до 14-летнего возраста. В любом случае очевидно, что в семейном законодательстве (ст. 62 СК РФ

⁷ А можно опираться и на аналогию федерального правила о 16-летнем барьере, тем более что именно беременность или рождение ребенка относятся к значимым основаниям для снижения брачного возраста...

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301 (с изм. и доп.).

или специальной норме – ст. 62.1) данный вопрос все же должен быть прояснен, ибо технологии расширительного (логического, систематического) толкования, применение аналогии закона не должны являться константой механизма правового регулирования того или иного вида отношений, тем более с участием таких специфических субъектов, как несовершеннолетние родители.

В то же время ограничение возможности установления отцовства в судебном порядке четырнадцатилетним возрастом вполне логично с учетом действующего гражданского процессуального законодательства. Именно по делам, возникающим в том числе из семейных правоотношений, как мы уже отметили, несовершеннолетние, достигшие возраста четырнадцати лет (не ранее), могут лично защищать свои права в суде, если профильный закон (в нашем случае СК РФ) им такое право предоставляет (п. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ⁹ (далее – ГПК РФ))¹⁰. Однако регламентированный законом судебный порядок установления происхождения детей более противоречив применительно к рассматриваемому типу ситуации.

Так, по данной категории дел практически всегда назначается молекулярно-генетическая экспертиза¹¹, позволяющая с предельно высокой степенью достоверности ответить на вопрос, происходит ли ребенок от предполагаемого отца. Исходя из конкретных обстоятельств дела, могут быть назначены другие судебно-медицинские экспертизы для ответа, например, на такие вопросы: способен ли ответчик к деторождению; не исключается ли отцовство, исходя из группы крови предполагаемого отца; и т. д. Для выяснения указанных обстоятельств, а также для проведения экспертизы требуются определенные исследования личного порядка в отношении предполагаемого отца ребенка, его матери и самого ребенка.

Согласно норме ст. 28 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹², «если лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза, связанная с медицинским вмешательством, не достигло возраста 15 лет ..., письменное согласие на производство судебной экспертизы дается законным представителем этого лица». Складывается неоднозначная ситуация. Для подачи иска об установлении отцовства несовершеннолетнему родителю, достигшему четырнадцати лет, согласие законных представителей не требуется, участвует в деле он также самостоятельно (как в качестве истца, так и в качестве ответчика). Суд вправе привлечь к участию в деле законного представителя несовершеннолетнего (п. 4 ст. 37 ГПК РФ). Однако в этом случае в его задачу входит оказание помощи несовершеннолетнему: действуя от имени представляемого, он имеет право отра-

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

¹⁰ При этом следует отметить факт непоследовательности законодателя: 14-летний вправе самостоятельно предъявить иск о собственном внебрачном отцовстве, но лишен возможности отыскивать своего отца в судебном порядке (ст. 49 СК РФ). Это лишний раз свидетельствует о несистемном подходе к вопросу о возрастных границах и объемах семейной дееспособности [1, с. 17–32].

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

¹² Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2291.

жать лишь его мнение и интересы, но не свою личную позицию. Заметим, что подобное привлечение законных представителей не является обязательным. То есть речь идет, по сути, о полноправном участнике процесса. Однако закон требует для родителя-ребенка (до достижения им пятнадцати лет) обязательное согласие законного представителя на проведение в отношении этого участника процесса экспертизы.

Вполне вероятно возникновение достаточно абсурдной ситуации. Например, четырнадцатилетняя мать подает исковое заявление об установлении отцовства. Суд назначает определенную судебно-медицинскую экспертизу, для которой требуются образцы крови и у истицы. А родители несовершеннолетней матери (находящиеся в конфликтных с ней отношениях) согласия на проведение такой экспертизы не дают, выражая таким образом неодобрение поступку дочери. Следуя букве закона, в подобной ситуации экспертиза проведена быть не может. А если у суда нет других доказательств, которые могли бы с достоверностью подтвердить происхождение ребенка от предполагаемого отца? Приостановить производство по делу до достижения истицы пятнадцати лет суд не имеет права, поскольку перечень оснований для приостановления производства, предусмотренный ст. 216 ГПК РФ, является исчерпывающим. Применение такого основания для приостановления дела, как проведение экспертизы, возможно только на срок проведения экспертизы. Если законные представители несовершеннолетней матери не дадут своего согласия в установленный экспертом срок, материалы, направленные эксперту, возвращаются суду, производство по делу будет возобновлено. В таком случае суд должен будет отказать в иске. Представляется, что вряд ли подобное решение будет соответствовать интересам и несовершеннолетней матери, и ее ребенка.

Можно привести другой пример, когда указанное положение может служить поводом для уклонения от производства экспертизы. Например, ответчиком по делу об установлении отцовства является четырнадцатилетний юноша, не желающий проходить судебно-медицинскую экспертизу, которая может подтвердить его отцовство. Он, не отказываясь проходить ее сам, указывает на невозможность проведения экспертизы из-за отсутствия согласия его родителей. Если бы причиной уклонения от экспертизы было его личное нежелание, то суд мог бы воспользоваться правилом п. 3 ст. 79 ГПК: при уклонении стороны от участия в экспертизе (в любых вариациях, оцениваемых судом как недобросовестное поведение), если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать тот факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. То есть в случае нежелания ответчика проходить судебно-медицинскую (или иную напрямую связанную с личностью субъекта) экспертизу суд имеет право признать факт происхождения ребенка от данного лица¹³.

¹³ При одном уточнении: коль скоро данное процессуальное правило является по своему характеру диспозитивным, суд должен располагать неким набором доказательственных фактов, хотя бы косвенно указывающих на связь по происхождению (например, факт устойчивого совместного проживания сторон, совпадающего с временем зачатия ребенка, и др.). Следует также заметить, что предмет доказывания в целом аналогичен общим обыкновениям, однако с учетом эмоционально-когнитивных особенностей несовершеннолетних родителей анализ и оценка судом таких доказательственных фактов, как признание ребенка своим, участие

В ситуации, когда ответчик не может пройти экспертизу в связи с негативной позицией родителей, на наш взгляд, применить п. 3 ст. 79 ГПК РФ суд не имеет права, поскольку отсутствует такой важный признак поведения ответчика, как «уклонение», а также причины неявки для проведения экспертизы являются уважительными. Наступление неблагоприятных последствий для родителей ответчика невозможно, поскольку они не являются стороной по делу. В этом случае, при отсутствии других доказательств происхождения ребенка от ответчика, суд должен в иске отказать.

Приведенные примеры представляются убедительными и показывающими, что рассматриваемое положение о необходимости письменного согласия родителей на производство экспертизы в отношении лица, не достигшего возраста пятнадцати лет, не соответствует ни ГПК РФ, ни интересам сторон по делу об установлении отцовства с участием несовершеннолетнего родителя, а также и публичным интересам, которые по делам данной категории безусловным образом ориентированы на приоритетное обеспечение защиты прав несовершеннолетних (а их в данном случае в два раза больше обычного). Полагаем необходимым внести изменения в указанную статью федерального закона, дополнив ее следующим образом: «В случае, если законодательство допускает личную защиту в суде своих прав, свобод и законных интересов лицом, не достигшим возраста шестнадцати лет, для проведения экспертизы в отношении такого лица согласие его законных представителей не требуется». При помощи данного положения недобросовестный несовершеннолетний родитель уже не сможет уклоняться от проведения экспертного исследования. Установление отцовства предоставит ребенку такого несовершеннолетнего родителя ряд имущественных прав, способных обеспечить достойный уровень жизни посредством определения адекватной суммы алиментов и проч.

Единственное, что законодатель упустил в вопросе установления происхождения детей, – это возможность оспаривания материнства (отцовства) несовершеннолетними родителями в отношении своих детей. Предположим, в силу молодости и глупости несовершеннолетний подал заявление об установлении отцовства в отношении ребенка, биологическим отцом которого он не является. Осознав в дальнейшем свою ошибку, он либо должен дожидаться своего совершеннолетия (как вариант – пройти процедуру эмансипации, вступить в брак) для подачи иска об оспаривании своего отцовства, либо действовать через своего законного представителя согласно правилу п. 2 ст. 37 СК РФ. (Подробнее об этой проблеме и путях ее решения автор писал в своей кандидатской диссертации [2]).

Права и обязанности несовершеннолетнего родителя по отношению к своим детям. Итак, происхождение установлено, каким образом наш родитель-ребенок будет реализовывать свои родительские права? Для этого вернемся к нашей классификации несовершеннолетних родителей и рассмотрим данный вопрос применительно к каждой категории.

1. Категория первая – несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, до достижения ими возраста шестнадцати лет. Закон предусматривает, что в данной ситуации их ребенку назначается опекун, который осуществляет его воспитание совместно с таковыми родителями. В означенной императивной редакции права в его воспитании, содержании (требующих определенного уровня осознанности действий), требует весьма осторожного судебного усмотрения).

вило п. 2 ст. 62 СК РФ действует с момента принятия ФЗ от 30.12.2015 № 457-ФЗ (ранее указывалось, что ребенку «может быть назначен опекун»). Очевидно, что такие изменения были вполне логичными и направленными на защиту прав ребенка несовершеннолетнего родителя, ибо родитель первой категории (с учетом отсутствия у него необходимого объема дееспособности) не может надлежащим образом воспитывать и защищать интересы своего ребенка. При этом следует отметить, что назначение опекуна детям несовершеннолетних родителей может «пробуксовать» по той причине, что не разработан механизм выявления родителей рассматриваемой категории. Согласно предписанию п. 1 ст. 122 СК РФ обязанность сообщить органам опеки и попечительства о детях, оставшихся без попечения родителей, возлагается на должностных лиц учреждений (дошкольных образовательных, образовательных, лечебных и др.) и на любых граждан, располагающих сведениями о таких детях. Применительно к исследуемой теме перечень указанных лиц необходимо расширить должностными лицами органов ЗАГС, поскольку именно им становится известно об отсутствии надлежащего родительского попечения, когда при регистрации рождения ребенка делается запись о таком родительстве.

С учетом того, что правило п. 1 ст. 62 СК РФ предоставляет несовершеннолетним родителям права на совместное проживание с ребенком и участие в его воспитании, очевидно, что при назначении опекуна их детям именно совместно с ним родитель воспитывает своего ребенка и, скорее всего, живет. Поскольку при стандартном развитии этой ситуации (хотя весьма сложно считать ситуацию стандартной, когда ребенок появляется в столь юном возрасте) опекуна ребенку назначают из числа близких родственников несовершеннолетнего родителя¹⁴, чаще всего им становится мать/отец/брат/сестра [3, с. 23]. В доктрине преимущественно высказывается тезис о целесообразности наделения статусом опекуна одного из родителей несовершеннолетней роженицы [4, с. 21]. Так, например, А. Е. Казанцева и Е. П. Титаренко считают, что в назначении ребенку самостоятельного опекуна нет необходимости, так как рождение ребенка несовершеннолетней мамой должно быть таким обстоятельством, которое автоматически изменяет семейно-правовое положение ее законных представителей; именно они и должны назначаться опекунами – за исключением случаев, когда иное решение обусловлено уважительными причинами либо мать несовершеннолетней дочери отказывается от обязанностей попечителя ее ребенка [5, с. 13]¹⁵.

2. Вторая категория несовершеннолетних родителей – родители, достигшие шестнадцатилетнего возраста и не состоящие в браке. Они вправе самостоятельно

¹⁴ Следует заметить, что нестандартность ситуации может быть еще более своеобразной. Так, например, не исключен вариант значительной разницы в возрасте между взрослым и юным участниками внебрачных родительских правоотношений, которые, видимо, должны являться специальным объектом внимания уполномоченных структур. Она же на уровне правореализации усложнит применение общего правила: назначение опекуном одного из родителей несовершеннолетнего отца/матери может вызвать диссонанс во взаимодействии подобных внебрачных родителей (если оно существует на приемлемом уровне), а адресовать данный статус взрослому участнику, оставив за рамками опекунского контроля родителя/родителей несовершеннолетнего, также проблематично. Конечно, данный аспект общей проблемы внебрачного несовершеннолетнего родительства дезавуируется, если ознанченный взрослый фигурант, что называется, «умыл руки»...

¹⁵ «Гендерное предпочтение» матери ребенка отражает не юридическое, а фактическое положение дел.

осуществлять родительские права. Об абсурдности данного положения автор уже писал не раз в вышеупомянутой диссертации и в научных статьях. Нелогичность заключается в том, что такие родители все еще остаются детьми с полным объемом своего зависимого, но в целом охраняемого положения и при этом абсолютно самостоятельны в принятии каких-либо решений в отношении своего столь рано родившегося ребенка.

3. Выделяемая нами третья категория – несовершеннолетие родители, состоящие в браке независимо от возраста, исходя из смысла ст. 62 СК РФ также обладают полным объемом родительской дееспособности. В данном случае юридическое противоречие не столь очевидно, ибо такие несовершеннолетние, как было замечено ранее, строго говоря, и не дети (хотя норма ст. 54 СК РФ напрямую об этом не сообщает), обладают полным объемом гражданской дееспособности, а также значительным объемом дееспособности семейной (добавим: административной, трудовой, образовательной и т. п.) [6, с. 155–164]. Но вот фактический диссонанс налицо. Сам по себе брак умом и зрелостью не наделяет юного родителя, тогда как закон именно с браком связывает возникновение полной родительской дееспособности независимо от возраста¹⁶.

Вернемся к несовершеннолетним родителям первой категории. Когда же опека над ребенком означенного родителя должна прекратиться? По логике нормы п. 2 ст. 62 СК РФ, когда родитель достигнет шестнадцати лет (станет несовершеннолетним родителем второй категории) или вступит до шестнадцати лет в брак (станет несовершеннолетним родителем третьей категории). На удивление эта логика работает лишь частично. Так, ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹⁷ (далее – ФЗ об опеке) в п. 2 ст. 29 установил, что опека над детьми несовершеннолетних родителей прекращается только по достижении такими родителями восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия. То есть, когда несовершеннолетнему родителю исполнится шестнадцать лет, он достигнет полного объема родительской дееспособности, это, исходя из вышеуказанного положения закона, не повлечет прекращения ранее назначенной опеки над его ребенком. Налицо очевидное противоречие и с буквой, и со смыслом нормы ст. 62 СК РФ. Рассуждая, какое же положение здесь будет иметь большую юридическую силу, можно пойти различными логическими путями: если по соотношению общей нормы и специальной, то необходимо признать большую силу за положением ФЗ об опеке; если применять правило п. 2 ст. 3 СК РФ, а именно идею, что все федеральные законы не должны противоречить СК РФ, то, безусловно, указанное положение применяться не должно и будут работать правила прекращения опеки, заложенные в норме ст. 62 СК РФ. Прогнозируя действия органов опеки и попечительства в подобной ситуации, по-

¹⁶ Следует заметить, что в семейном законодательстве конструкция дееспособности на уровне общих, принципиальных положений не отражена – имеются лишь отдельные нормативно-правовые позиции относительно ее значения: для заключения и прекращения брака, как основание ограничения родительских прав вследствие опасности оставления ребенка у недееспособного родителя, страдающего психическим расстройством, как основание для запрета усыновления/удочерения, опекуновства/попечительства и т.п. Это не обеспечивает системности семейно-правового регулирования.

¹⁷ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

лагаем, что для них более значимыми будут нормативно-правовые ориентиры вышеуказанного ФЗ, тем более сейчас, когда назначение опеки над ребенком такого родителя стало обязанностью для них. На наш взгляд, здесь гораздо важнее понять причины, почему разработчики ФЗ об опеке предусмотрели подобное правило. Мы исключаем ситуацию, что авторы законопроекта не знали содержания ст. 62 СК РФ или не понимали заложенного в ней смысла наступления полной родительской дееспособности несовершеннолетних родителей в шестнадцать лет вне зависимости от объема гражданской дееспособности. На наш взгляд, означенные авторы пытались таким образом нивелировать глупость идеи, изначально заложенной в норму ст. 62 СК РФ, о том, что факт рождения ребенка делает родителя умным, зрелым и самостоятельным с шестнадцати лет, а если он вступил в брак, то и ранее. Для любого разумного человека очевидно, что появление детей в таком возрасте не является следствием зрелости и ума, а является, скорее, результатом неразумности полового поведения, неполного осознания последствий ранних половых связей, инфантилизма. Что еще хуже, зачастую столь юными родителями становятся дети из неблагополучной социальной среды, которым в дальнейшем сложно рассчитывать на надёжную поддержку со стороны своих родственников. Именно поэтому разработчики ФЗ об опеке «пожелали» продлить период, когда за маленького ребенка должен будет отвечать взрослый и дееспособный человек, соответствующий всем требованиям закона, предъявляемым к опекунам (по крайней мере, с точки зрения «формально-юридического идеала»), а не ребенок, искусственно провозглашенный взрослым, причем частично, поскольку приобретение полной родительской дееспособности никак само по себе не влияет на гражданскую дееспособность, которая у несовершеннолетних этого возраста (с шестнадцати до восемнадцати) неполная. (Чтобы быть точными: у таких субъектов не появляется и весь комплект семейной дееспособности: их вступление в брак все равно потребует разрешительной процедуры, они не могут быть усыновителями/удочерителями, опекунами/попечителями других детей и т. д.).

Подобную разумность указанных разработчиков ФЗ об опеке следует приветствовать, однако необходимо признать существующее положение, касающееся опеки над детьми несовершеннолетних родителей, полумерой, порождающей определенное неравенство. Так, если несовершеннолетний стал родителем, например, в пятнадцать лет, то его ребенку будет назначен опекун и опека продлится до достижения таким родителем восемнадцатилетия, если он не вступит в брак ранее. В случае же если несовершеннолетнему родителю на момент рождения ребенка уже исполнилось шестнадцать лет, то опека над его ребенком не будет назначаться вообще и нести ответственность за такого ребенка, защищать его права, содержать его будет сам несовершеннолетний родитель, который, как уже было отмечено, не обладает при этом полным объемом гражданской дееспособности. На наш взгляд, положение о наделении несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке, полной родительской дееспособностью с шестнадцатилетнего возраста не оправдало себя со временем. В нашей стране отсутствуют финансовые, социальные и иные гарантии того, что такой «маленький» родитель сможет позаботиться о другом ребенке. В настоящий момент это возможно только в том случае, если такого родителя смогут поддержать его родственники. Если же законодатель полагает

ет, что приходится считаться с фактами, предлагаемыми современными социальными практиками, то, во-первых, ему необходимо усовершенствовать в этой части семейный закон, во-вторых, систематизировать меры поддержки подобных «супер-молодых» семей, а также и контроля за выполнением ими функций родительства.

Следует отметить, что некоторые авторы отрицают наличие правовой коллизии. Так, например, А. И. Кнороз считает, что правило п. 2 ст. 62 СК РФ определяет лишь момент установления опеки, ничего не сообщая о моменте ее прекращения [7, с. 22–25]. Более того, исследователь полагает, что по достижении возраста шестнадцати лет несовершеннолетний вправе либо совместно с опекуном осуществлять родительские обязанности, либо посредством волеизъявления на самостоятельное осуществление родительских прав прекратить опеку. Мы не можем согласиться с представленной точкой зрения ввиду того, что автором, по всей видимости, не были учтены причины, которые предопределили включение в ФЗ об опеке подобного правила, нами ранее уже рассмотренные. Правовая коллизия существует и, как мы уже отметили, нуждается в преодолении.

Подытоживая данную часть размышлений, следует признать, что механизм правового регулирования отношений с участием несовершеннолетних родителей по отношению к своим детям «строен» лишь на бумаге и «разбивается» о незрелость таких родителей (фактическую или юридическую), которая частично нивелируется лишь поддержкой семьи, если она есть, а также с помощью недочетов собственно семейного закона.

Права несовершеннолетних родителей по отношению к своим родителям/законным представителям. Как было отмечено ранее, все несовершеннолетние родители первой категории (несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, до достижения ими возраста шестнадцати лет) и не эмансипированные второй категории (несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, после достижения ими возраста шестнадцати лет) являются детьми (и с формально юридической позиции, и с сущностной). Как это влияет на реализацию их прав как детей?

Право на фамилию, имя, отчество, предусмотренное нормой ст. 58 СК РФ. Очевидно, это право было реализовано при регистрации рождения наших родителей-детей, и дальнейшее усложнение их статуса никакого влияния уже иметь не может. Пожалуй, те же выводы напрашиваются и в отношении права на изменение имени, отчества, фамилии, поскольку появление собственного ребенка на персональных данных родителя никак не сказывается. Здесь обратная связь. Хотя, согласитесь, в этом случае проявляется определенная непоследовательность законодателя. В отношении своего ребенка наш родитель-ребенок самостоятелен с шестнадцати лет, так как обладает полным объемом родительской дееспособности, в том числе и в части выбора имени своему ребенку, а вот свое имя, отчество, фамилию он может поменять только с согласия своих родителей или иных законных представителей, при отсутствии согласия – по решению суда (п. 3 ст. 58 ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

Право жить и воспитываться в семье. Следует признать, что если несовершеннолетний родитель проживает со своими родителями, то при обычных отношениях помощи и поддержки с их стороны наличие у несовершеннолетнего родителя ребенка не должно сказываться на реализации данного права. Как было отмечено выше, опекуном ребенка несовершеннолетних родителей первой кате-

гории, как правило, становится кто-то из его родителей, других родственников. Это обстоятельство порождает определенные правоотношения между ребенком несовершеннолетнего родителя и его опекуном, между самим родителем-ребенком и опекуном по совместному воспитанию и органом опеки и попечительства и опекуном по контролю над осуществлением опеки. Выстраивается весьма своеобразная «пирамида» семейных правоотношений, однако на реализацию права несовершеннолетнего родителя жить и воспитываться в семье своих родителей она не влияет, хотя, безусловно, придает таковым отношениям юридический, этический и психологический колорит.

Другое дело, если несовершеннолетний родитель лишен возможности проживания в своей кровной семье по каким-то причинам. Тогда, в соответствии с взятой на себя позитивной обязанностью, государство должно обеспечить возможность устройства в семью ребенка-родителя, и в этом случае его правовое положение (наличие у него ребенка) должно сказаться на реализации данного права.

Так, если несовершеннолетний родитель (как правило, речь идет о несовершеннолетней матери) не отказался забрать ребенка из родительного дома, а хочет с ним проживать и его воспитывать, то, определяя такого родителя в семью, мы должны понимать, что в семью будут устраиваться уже два ребенка: сам несовершеннолетний родитель и его ребенок. И, очевидно, что имеющиеся нормы о способах устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей (об усыновлении/удочерении, опеке, приемной семье, патронатной семье), такую в целом нетипичную и редко встречающуюся ситуацию не учитывают. Между тем соображения об исключительности последней, конечно же, не должны быть причиной отказа в ее нормативно-правовом уточнении, ибо всякий социально значимый интерес должен подлежать вниманию законодателя, тем более когда речь идет об охране и защите семьи¹⁸.

Не вдаваясь в подробности каждой формы устройства, порядка, определенного для них законодательством, мы можем сформулировать общие принципы, которые должны быть в нем отражены, чтобы при возникновении указанной ситуации не нарушались ни интересы несовершеннолетнего родителя, ни его ребенка. Во-первых, необходимо закрепить принцип недопустимости разлучения несовершеннолетнего родителя и его ребенка, за исключением случаев, когда это противоречит их интересам. Например, когда несовершеннолетний родитель нуждается в специализированном лечении. Во-вторых, при устройстве такого родителя и его ребенка в семью необходимо устанавливать истинные причины принятия их в семью, дабы исключить в качестве основной цели – цель воспитания маленького ребенка, когда родитель-ребенок стал бы ненужной «нагрузкой» для «приобретения» именно малыша. В-третьих, должно предусматривать, что при передаче несовершеннолетнего родителя на воспитание в семью следует руководствоваться не только его интересами, но и интересами его ребенка (конечно, означенную «сдвоенность» проанализировать, квалифицировать и привести хотя к относительной гармонии весьма непросто, однако в противном случае возможно нарастание конфликтности отношений). В-четвертых, необходимо допустить для указанной ситуации применение разных форм устройства для самого родителя и его ребенка и выбор оптимальной из юридически возможных – в целях реализации положений ст. 62

¹⁸ И тем более – в Год семьи (2024).

СК РФ, включая право несовершеннолетнего родителя воспитывать своего ребенка совместно с его опекуном. В-пятых, следует предусмотреть, что прекращение той или иной формы устройства несовершеннолетнего родителя должно, по общему правилу, повлечь отмену опеки над его ребенком.

Право выражать собственное мнение. Мнение несовершеннолетнего родителя-ребенка, достигшего по естественно-биологическим причинам десятилетнего возраста, подлежит обязательному учету. А в случаях, предусмотренных законом (ст. 57 СК РФ), необходимо получить его согласие на совершение ряда семейно-правовых актов. Данное правило вытекает из его возраста, как и любого ребенка, достигшего возраста десяти лет, а не из его особого статуса как «маленького родителя». Семейное законодательство никаких специальных правил для исследуемых субъектов не устанавливает. При этом, заметим, перечень оснований для подключения конструкции согласия не идеален, не охватывает всех принципиально значимых семейно-правовых вариаций, например о необходимости согласия о месте проживания при раздельном жительстве родителей, порядке общения с родственниками, судебного отыскания отцовства.

Однако у несовершеннолетнего родителя либо ребенка, готовящегося стать родителем, могут быть жизненные ситуации, когда его мнение должно иметь особое значение. Например, четырнадцатилетняя девочка беременна, а ее родители настаивают на искусственном прерывании беременности (аборте). Согласно норме ст. 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁹ каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве, искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия. Предписанием ст. 20 этого же закона подчеркивается, что согласие на медицинское вмешательство в отношении лиц, не достигших возраста пятнадцати лет, дают их законные представители.

Правило п. 91 Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»²⁰ поясняет, что поскольку искусственное прерывание беременности является медицинским вмешательством, то в отношении лиц, не достигших пятнадцати лет, согласие на операцию дают их законные представители. Отсюда можно сделать вывод, что родители четырнадцатилетней девочки принимают за нее решение проводить или не проводить искусственное прерывание беременности. Ее мнение не принимается во внимание. Однако представляется необходимым внести изменения в соответствующие нормативные акты, предусмотрев обязательное получение согласия ребенка, достигшего десятилетнего возраста, на искусственное прерывание беременности. Или, по крайней мере, снизить возрастной барьер до 14 лет (именно этот возраст признается приемлемым для принятия важных решений в большинстве отраслей российского права), а при обнаружении беременности в более раннем возрасте – усложнить процедуру принятия решения, например согласовывать позиции родителей и консилиума врачей, а в случае неустраняемых разногласий между ними – разрешать оные в ускоренном судебном порядке

¹⁹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

²⁰ Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130 н 113-н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» // СПС Консультант-Плюс.

(например, в течение 1–3 дней). Что же касается пятнадцатилетней девочки, она, несомненно, сама вправе решать, прерывать ей беременность или нет.

Право на защиту. Оно основывается на положениях нормы ст. 56 СК РФ. Несовершеннолетний родитель, будучи ребенком, в полной мере пользуется правом на защиту своих прав и законных интересов. Поскольку его интересы могут быть сопряжены с обстоятельствами, связанными с появлением у него ребенка, постольку несовершеннолетний родитель первой категории имеет право, например, требовать, чтобы его родители или заменяющие их лица защищали его права как родителя в суде. Несовершеннолетний родитель, достигший четырнадцати лет, вправе подать заявление в орган опеки и попечительства об отстранении попечителя от своих обязанностей, если, например, он не оказывает своему подопечному помощь в воспитании ребенка и т. д. Это предопределено общим правом о возможности самостоятельной судебной защиты с данного возраста своих субъективных семейных прав и охраняемых законом интересов, хотя, как известно, в специализированных случаях (по отдельным категориям семейных дел) оно и «дезауируется» с помощью исчерпывающего перечня субъектов права на предъявление иска (например, о лишении/ограничении родительских прав, притом что отмена усыновления/удочерения может быть инициирована и четырнадцатилетним, что свидетельствует если не об очередной правовой коллизии, то о «недосмотре» законодателя, который, по меньшей мере, был обязан предусмотреть в нормах ст. 56 СК РФ либо случаи прямого исключения, либо ссылку на таковые, фиксированные в других нормах кодекса).

Последнее (из числа классических) личное неимущественное право ребенка — это **право ребенка на общение с родителями и другими родственниками**. Норма пункта 2 ст. 55 СК РФ устанавливает, что ребенок, находящийся в экстремальной ситуации (задержание, арест, заключение под стражу, нахождение в лечебном учреждении и другое), имеет право на общение со своими родителями и другими родственниками в порядке, установленном законом. Данное право в полной мере присуще и несовершеннолетним родителям. Особенность его реализации обусловлена экстремальным характером самой ситуации — когда у несовершеннолетнего лица появляется ребенок. И здесь, как правило, гораздо чаще требуется поддержка близких лиц. Следовательно, своевременная реализация несовершеннолетним родителем своего права на общение приобретает для него первостепенное значение.

Имущественные права. Эти права ребенка перечислены в нормах ст. 60 СК РФ. Их можно классифицировать по двум группам. К первой относятся права ребенка, вытекающие из гражданских правоотношений (ст. 26, 27, 37 ГК РФ). Данные нормы не отражают специфику положения ребенка, ставшего родителем. Все эти права присущи ему без всяких изъятий на тех же началах, что и ребенку, не ставшему родителем. Ко второй группе относятся имущественные права, вытекающие из семейных правоотношений: право на получение алиментов, дополнительных расходов на содержание ребенка, право на целевое расходование указанных средств на ребенка (п. 2 ст. 60 СК РФ).

Как же особый статус ребенка-родителя может повлиять на реализацию данных прав? Во-первых, следует признать, что будущее и состоявшееся родительство детей следует квалифицировать как обстоятельство, заслуживающее внимания в контексте применения п. 2 ст. 81 СК РФ. Во-вторых, аналогичные рассуждения не-

обходимо положить в основу решения суда об изменении установленного размера алиментов в соответствии со ст. 119 СК РФ. В-третьих, обсуждаемую ситуацию следует признать сопряженной с исключительными обстоятельствами, при наличии которых родители обязаны нести дополнительные расходы в отношении детей в порядке ст. 86 СК РФ. В-четвертых, беременность несовершеннолетней или рождение у нее/него ребенка, на наш взгляд, могут быть признаны обстоятельствами, свидетельствующими о существенном изменении материального и семейного положения получателя алиментов в случае ранее заключенного соглашения об их уплате, и повлечь изменение/расторжение соглашения в порядке п. 4 ст. 101 СК РФ.

В заключение отметим, что законодательное регулирование отношений, возникающих вследствие рождения у несовершеннолетнего лица ребенка, весьма противоречиво и требует дополнительного осмысления как на доктринальном, так и на законодательном уровне. На наш взгляд, ребенок должен оставаться ребенком, даже если совершил ряд «взрослых поступков», включая один из наиболее нетривиальных. Только это может гарантировать защиту его интересов в полном объеме. Ели же «законотворец» принципиально предпочитает действующий подход к решению рассматриваемой проблемы, то ему следует его не только усовершенствовать (преодолеть правовые коллизии, пробелы и т. п.), но и систематизировать его социально-обеспечительную функцию (в рамках решения общей задачи поддержки молодой семьи, в нашем случае – «сверхмолодой», в целом или с односторонним участием субъекта с «юношеским задором»).

Ссылки

1. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.
2. Величкова О. И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 176 с.
3. Леканова Е. Е. Правовые особенности попечения ребенка несовершеннолетних родителей с неполным родительским статусом // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 22–25.
4. Тарусина Н. Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 19–21. EDN YKQYJV.
5. Казанцева А. Е., Титаренко Е. П. Права несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 11–14.
6. Тарусина Н. Н., Конева Е. В., Симонова С. В. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 155–164. DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164.
7. Кнороз А. И. Прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 22–25.